

Людмила Кальчевская

ШЛЯПНИЦА-ГЕРЦОГИНЯ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
К17

К17 **Кальчевская Л.**
Шляпница-герцогиня / Людмила Кальчевская – М.: Литнет, 2026. – 258 с.

ISBN 978-5-521-99460-1

В мире, где реальность переплетается с магией, Мелания — мастерица шляп, живущая на Земле, не догадывается о своём истинном наследии из другого мира. Всё меняется, когда в её жизнь входит загадочный Фабиан — искатель, отправленный на поиски потерянной наследницы. Их любовь вспыхивает, но на пути к счастью стоят мрачные силы и опасные испытания.

«Шляпница герцогиня» — это история о поисках себя, силе любви и том, как важно следовать за своим сердцем, даже когда мир вокруг кажется враждебным. Присоединяйтесь к Мелании и Фабиану в их удивительном путешествии к свободе и счастью!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99460-1

© Литнет, 2026
© Л. Кальчевская, 2026

Глава 1

Бал шумел и кружился, подстегивая ранний летний рассвет. По огромным залам дворца и лестницам, похожим на творения Растрелли, широкой рекой сновали люди: мужчины в смокингах и мундирах, дамы в ослепительных платьях и изысканных головных уборах. Надо бы их запомнить, в работе пригодится. В центре танцевального зала стояла смутно знакомая красавица и внимательно слушала мужчину в военной форме. «Пограничник» – почему-то подумала я. Речь явно шла о чем-то личном, слишком уж подчеркнуто деловыми были их лица, слишком близко находились тела и слишком маняще белело декольте у дамы. Где же я могла ее видеть? Сосредоточилась, вспоминая, но в голову ничего не приходило. Тем более, что хорошо рассмотреть красавицу не получалось – верхнюю часть лица скрывала низкая посадка шляпки. Перевела взгляд на мужчину. Вот он мне был совершенно не знаком. И жаль, потому что познакомиться стоило. Высокий, косая сажень в плечах, стройный брюнет, с пронзительными чайными глазами, он мне напоминал испанских идалго, ну, как я их себе представляла. Ему бы еще шпагу на пояс да гитару в руки.

В это время мужчина посмотрел прямо в мою сторону, и я, испугавшись, что проникла на бал зайцем, попятилась назад. Споткнувшись обо что-то, (я не неуклюжая, просто сзади у меня глаз нет), полетела на пол. Но падала почему-то долго, очень долго и медленно. Казалось, скоро окажусь в Преисподней. От страха закрывала глаза, а когда открыла оказалась на своей кровати, в убогой комнатухе, которую я снимаю в Москве.

Так, а где дворец? Где бал? Где тот потрясающий пограничник, наконец? Приснилось. Вот где справедливость? Почему только во сне бывают такие мужчины? А наяву вон сосед Серега, алконавт местный, уже буянит за стенкой. И чего это с утра пораньше? Видать, вчера мало оказалось, не догнал.

Вообще-то такое редко бывает. Наша общага тихая, расположена на самой окраине Москвы, где течет почти деревенская жизнь. Неспешная и безденежная. Безденежная, конечно, плохо, но вот что неспешная... Я ведь сама из небольшого поселка, не привыкла к сутолоке и неспешность мне нравится. Жить здесь неплохо, вот только до работы долго добираться. Впрочем, в Москве всем до работы далеко. В центре живут только те, кто не работает. Как моя тетка.

Нет, про нее я не хочу ничего плохого сказать. Приютила на первое время, работу дала. Платит, правда, мало, но хозяева все такие. Вот и приходится ютиться у черта на куличиках. Все бы ничего, да Серега достал, москвич коренной, блин. Свою квартиру пропил, а туда же, «понаехали» говорит. А пару дней назад заявил, что решил меня к себе приблизить. Снизол, так сказать, к «понаехавшей». Да еще и руки распускать начал. А когда получил по ним, высокомерно заявил, мол, должна ты, дура деревенская, от счастья прыгать, что он обратил на меня внимание. И что сейчас он не в форме, а вот когда поправится, за пренебрежение накажет. Тоже мне, царь-царевич, король-королевич. Да возле него рядом стоять противно, не то что быть в его постели.

С противоположной стороны от моей комнаты слышался скрип открываемого окна. Еще одна соседка, Фрида Леопольдовна, бывшая актриса, проводила ежеутренний ритуал: с чашкой растворимого кофе стояла у окна и наблюдала за расцветом нового дня. Живущая в нищете из-за сына, проигравшего их квартиру, она пыталась создавать себе маленькие радости, и этот утренний ритуал был одним из них. Добрейшая женщина, она многое знала о московских нравах, и стала для меня проводницей в мир московского быта. Да и перед Серегой пыталась меня защищать. А когда услышала его угрозы, сказала мне:

— Деточка, ты поостереглась бы. Знаю я таких прохиндеев, они на все способны.

Я тогда отмахнулась от этих слов, а зря. Вернувшись вчера после работы увидела сорванную дверь и спящего посреди комнаты Серегу. Рядом стояла комендантша, особа необъятных размеров, и, сложив один подбородок на второй, а второй на третий, сетовала:

– Боже ж мой, да что ж эта водка с людьми делает. Был человек, а стал дерьмо собачье. Вот жизнь-то поганая.

Я сначала впала в ступор, но после этих слов почему-то разозлилась.

– Чего вы на жизнь грешите-то? Она ему, что ли, водку в рот заливает? Мужу сорок лет, а болтается как отходы в проруби. Его не жалеть надо, а ментов вызывать. Как я теперь спать буду?

– Что ты, что ты, – всполошилась комендантша, – никаких ментов. У нас общежитие пристойное, люди здесь живут порядочные. А ментов один раз позовешь, потом будут каждый день наведываться, всех беспокоить.

– Тогда давайте, делайте мне двери. Есть же у вас рабочие!

– Есть, есть, деточка, щас все сделают по высшему разряду.

Комендантша всколыхнулась на выход.

– И этого порядочного человека с собою заберите!

Она сделала вид что не слышала и потопала дальше словно мифический слонopotам. Телеса ее тряслись так, что стало страшно за общежитие. Вскоре в глубине коридора раздался зычный голос:

– Петя, Федя, где вы там? Работа есть!

Женщине ответили невнятные голоса и все стихло. Я осталась ждать в коридоре у окошка. Фрида Леопольдовна приглашала к себе, но оставлять открытую комнату не хотелось. Не то, что у меня там были какие-то богатства, просто неприятно. Да еще и этот «коренной москвич» всю храпит как у себя дома.

Через полчаса явились рабочие. Были они слегка под мухой, но ничего, инструменты из рук не падали. Споро заменили косяк, повесили дверь на место и поставили новый замок. Собрались уходить, да я вовремя о спящем пьянчуге напомнила. Они помялись, помялись, потом один из них, тощая жердь по имени Федя, промямлил:

– Это... как бы... это... не наше дело. Но если хозяйка, это, даст на лекарство, голову полечить, то мы...

– Понятно.

Пришлось вытащить двести рублей и спонсировать им «лекарства». Мужички взбодрились, взяли горемычного за руки – за ноги и унесли.

И вот сегодня с раннего утра мой вчерашний «гость» горло дерет. Надо быстро собираться, да на работу. Не то, что боюсь его, просто как привяжется, я и опоздаю. А хозяйка ой как это не любит!

Раскритится, упрекать начнет. А вот это уже не люблю я. Так что надо поспешить. Душ в нашем крыле один, пришлось метнуться электровеником, чтобы успеть первой. Ополоснувшись почти холодной водой (а она у нас всегда такая, для поднятия тонуса), вернулась в комнату и стала собираться. Через четверть часа я уже стояла перед зеркалом и критически себя рассматривала. Да, не красotka. Лицо усталое, осунувшееся, под глазами темные круги. Раньше-то оно было покруглее да порозовее, но за время болезни мамы, а потом и похорон, отощало да подурнело. Вот кто на такую посмотрит? Только алкаш Серега. Волосы хоть неплохие. Да что там неплохие, просто роскошные. Черные, но с красноватым отливом, блестящие, они достигают середины спины. До смерти мамы моя грива и вовсе до ягодиц доставала, но потом я немного подрезала – одной мыть трудно. И хоть я не носила волосы распущенными, убирала в пучок и под шляпку, но выбивавшиеся все время прядки, словно шпионы, доносили окружающим о их красоте. Хвастаюсь? Ну да, хвастаюсь. Я люблю свои волосы. Они выделяют меня в толпе других серых мышек.

Фигура, кстати, тоже ничего. Есть, конечно, что подправить, но в целом пойдет. Смотря что наденешь. Почему-то аляпистые расцветки ее ужасно уродовали. Я поняла это с детства, и всегда носила одежду спокойных тонов. Иногда, как сейчас, жарким московским летом, хотелось надеть цветастый легкий сарафан, с летящей

по ветру юбкой, но представив себя в нем, несчастливая особа (вы поняли – я), тут же отказывалась от этой идеи. И теперь в зеркале отражалась девушка в летнем бежевом платье, облегающем фигуру, и соломенной шляпке. Босоножки на среднем каблучке дополняли наряд. В принципе неплохо. Лицо бы только покрасивее, и жить можно. Все, хватит критики, пора бежать.

Взглянула на часы. О, черт, местный автобус через пять минут отходит! Забыв обо всех недовольствах и мечтах, рванула к выходу. Успела в последний момент, со счастливой улыбкой влетела в салон и, отдышавшись, порадовалась, что не придется целых сорок минут ждать следующего. На нашей окраине автобусы ходили редко, вот тогда бы точно опоздала на работу.

В ателье еще никого не было, только хозяйка стояла на пороге и рассматривала идущих мимо людей подозрительным взглядом. Меня она тоже встретила с неудовольствием.

– Мелания, ты что такая неаккуратная? Платье мятое, волосы торчат. Растрепа, как есть растрепа. Быстро приведи себя в порядок.

Я посмотрела на нее и ничего не сказала. А что говорить, если моя тетка всегда выглядела, как с витрины: волосок к волоску, наряд эффектный. Правда, ей не нужно тащиться в переполненном автобусе, да еще с пересадкой, в соседнем доме живет.

В туалете ателье быстро привела волосы в порядок, надела халатик, скрывший мятое платье, и села за зарисовки. Надо было восстановить в памяти виденные во сне фасоны шляпок и разработать технологию их изготовления. Люблю я это время. Когда не пришли еще ни мастера, ни клиенты, когда утренняя прохлада еще не уступила место жаре, когда никто не зудит под руку...

– Мелания, чем занята? – рыкнула рядом тетка. Я вздрогнула. Ну вот, это чтобы жизнь медом не казалась.

– Придумала фасоны новых шляпок, Изольда Афанасьевна. Вот шаблоны делаю.

– Сколько раз тебе говорить, просто Изольда. Ты что, меня обидеть хочешь?

Еще довольно молодая и стройная, тетка терпеть не могла, когда ее называли по имени-отчеству.

– Что я, старуха, что ли? – рычала она на провинившихся, и ее черные волосы выскакивали из прически и извивались змеями, – Да и как Изольда может быть Афанасьевной? Не сочетается же!

Так что для всех – и сотрудников, и клиентов – она была просто Изольдой. А я никак не могла называть ее только по имени. Привыкла, что в маминой учительской среде все друг друга называют с отчеством, вот и получала всякий раз выговор.

– Простите, – смутилась я, – не ругайтесь, лучше посмотрите эскизы.

О, это хозяйка очень любила! Тут же занялась разглядыванием рисунков, потом удовлетворенно заявила:

– Вот за что я тебя люблю, Мелания, это за твои креативные идеи. И где ты их только берешь?

Ага, так я и сказала! Еще засмеет. Потупилась и скромно произнесла:

– Думаю, размышляю, фантазирую.

– Ладно, ладно, думай дальше. Несколько клиенток уже интересовались новыми моделями. Надо бы их изготовить побыстрее.

– Что вы, Изольда, побыстрее не получится. Только день уйдет на изготовление шаблонов, на подгонку.

– Делай свои шаблоны, а завтра я дам тебе мастериц в помощь. Три дня тебе на выпуск пробников. Успеешь?

– С помощью успею, спасибо.

– Ну вот, пчелка, трудись.

Хозяйка прошествовала дальше, а я от радости сразу увидела, где допустила ошибку.

Люблю я это дело – украшать людей. Еще класса с шестого все придумывала что-то, шила наряды, сначала куклам, потом персонажам в школьном драмкружке. Первые платья для школьных вечери-

нок себе и подружкам придумывала и воплощала в жизнь тоже я. Мама не видела в том вреда, и даже швейную машинку мне купила, шикарную, такой не было ни у кого в поселке. А вот шляпки сначала изготавливать не думала. В старших классах мы с девчонками решили участвовать в школьном конкурсе на звание первой леди, вот тогда и встала проблема головных уборов. Я попробовала и увлеклась. Теперь вот это увлечение стало моим хлебом. А что, моя профессия агронома в Москве не котируется, зато шляпница нарасхват. Сколько раз уж меня пытались переманить в другие ателье, зарплатой соблазняли, но я отказывалась. Неловко перед теткой. Все ж таки единственная родня.

За работой я не замечала, как помещение наполнилось сотрудниками. Стало шумно и нервно. Кто-то закрыл мне глаза. Как в детском саде, ей богу.

– Сенечка, отвянь, а.

– Ну-у-у, – недовольно протянула наша уборщица, невысокая мужиковатая особа Галина Михайловна Сенина, которую все звали исключительно по прозвищу, – откуда ты всегда знаешь, что это я?

– Да потому, что никому в голову больше не приходит так делать. Сенечка, ты словно в детстве застряла.

Она плаксиво надулась и захлопала ресницами. Мне стало стыдно за свои слова. Обидеть Сенечку, словно у ребенка конфетку отнять. Она и в самом деле была недалекого ума, но крепкая, даже кряжистая, миролюбивая и ласковая, несмотря на неказистое устройство фигуры. А еще эта мужиковатая женщина не помнила зла, старалась всем помочь и с первого дня опекала меня. Поэтому бросив работу поспешила к ней в подсобку.

– Сенечка, прости меня, дуру. Зря тебя обидела. Ты же знаешь, как я не люблю, когда меня отвлекают, вот и ляпнула не подумавши. Прости меня, ладно?

Уборщица не умела долго сердиться, и после моих слов тут же расцвела ослепительной улыбкой. Гадство, какие все-таки боги

извращенцы! Им бы одарить этой улыбкой какую-нибудь роковую красотку, а они отдали ее одинокой страшили. На мгновение осветив лицо и сделав его притягательно-волшебным, затаенный смех Сенечки перешел в обычную гримасу, и она проворчала:

– Ладно, иди уж. А то щас Изольда прилетит, будет новые модели требовать.

– Да она была уже, – отмахнулась я, – дала три дня на выпуск пробников. Времени мало. Ладно, я побежала. И не обижайся на меня. Ты же знаешь, мой язык, мой враг. Бывает, ляпну не подумав, а потом расхлебываю.

– Иди уже иди, стрекоза, – прикрикнула уборщица совсем не страшно, – мне работать надо.

Довольная извинительной миссией, я побежала на свое рабочее место, напевая что-то на незнакомом языке.

Снова потекли безмятежные минуты творчества. Душа радовалась, азарт и предвкушение пьянили. В таком состоянии мне всегда все удавалось. Но не успела я вновь отрешиться от реальности, как меня снова прервали.

Возле стола возникло шикарное создание на высоченных каблучках – кузина Эсмеральда. Меня всегда разбирал смех от таких закидочков. Изольда, Эсмеральда – с какого перепугу на русской земле такие нездешние имена? Правда, и мое имя – Мелания – тоже пахнет нездешностью, совсем чуть-чуть, одной буквой, но все же. В прежние времена говорили вместо «И» мягкий знак: Меланья. А теперь оно приобрело налет западности. Но, хвала господу, все-таки не Эсмеральда. А вот кухне ее имя нравилось, и она всегда недовольно морщила нос, если ее называли Эсми.

Услышав перестук коготков о столешницу, я вздрогнула, и вынырнула из творческих грез.

– Чего тебе, Эсми?

– Изольда вызывает, – метнув глазами молнию, ответила она.

– А что случилось?